

12

Экономист, экономическая наука и наша история: краткие заметки к 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

Н. А. Макашева

Уважаемые коллеги! Юбилей любого ученого – это всегда повод обратиться к анализу его идей и их значения в истории науки, к его личности и судьбе. В данном случае судьба ученого и судьба целого поколения стали воплощением трагизма эпохи социальных потрясений. Символично, что 125-летие со дня рождения Н. Д. Кондратьева мы отмечаем в год столетия двух русских революций – этого рубежного для истории нашей страны года. 85 лет прошло со дня вынесения приговора ученому вместе с группой экономистов по делу Трудовой крестьянской партии – одного из самых громких процессов начала 1930-х гг. Тридцать лет назад на волне перестроечной демократизации Н. Д. Кондратьев и его коллеги были реабилитированы по этому делу. В 2018 г. исполнится 80 лет со дня казни ученого и 55 лет со времени его «оттепельной» реабилитации по приговору 1932 г. Действительно, не только жизнь, но и смерть ученого удивительным образом вплетена в историю нашей страны.

Однако есть и еще один аспект, неразрывно связанный с личной судьбой Кондратьева. Я имею в виду судьбу отечественной экономической науки в XX в. Разумеется, история отечественной науки – это отдельная и обширная тема, выходящая за рамки данной статьи, поэтому я ограничусь лишь самыми краткими замечаниями.

До 1917 г. экономическая наука в России развивалась несколько иначе, нежели в передовых странах Европы. Прежде всего она отставала в профессионализации, то есть в превращении экономической науки в самостоятельную научную дисциплину. Это проявилось в более позднем создании экономических факультетов, в фактическом отсутствии професси-

Кондратьевские волны: к 125-летию Н. Д. Кондратьева 2018 207–218

ональных теоретических журналов¹. Заметим, однако, что эта ситуация скорее была общей для так называемых периферийных стран, нежели исключительной для России. Не менее, а возможно, и более важными были отличия в структуре доминирующих течений и школ и в характере и содержании наиболее обсуждаемых проблем. Здесь большую роль играли уровень развития страны, характер наиболее актуальных проблем, культурные особенности и интеллектуальные традиции. Так, если к концу XIX в. в Европе марксизм утратил свою популярность, то в России он оставался доминирующим течением экономической мысли. Причем это обстоятельство объяснялось не только и не столько качеством этой теории по сравнению с другими, сколько ее социальной направленностью.

Важное место занимала историческая школа, она была особенно популярной среди университетской профессуры. Напомним, что для исторической школы характерными были представления об экономике как о национальной системе хозяйства, а об экономическом знании – как имеющем этическую и историческую окраску. Подобные идеи хорошо сочетались с русской интеллектуальной традицией. Неудивительно, что идея самобытности развития, противопоставления России Западу и призывы следовать по особой траектории социально-экономического развития, создавать собственную, национальную экономическую науку находили отклик у части экономистов. В более мягком варианте эта тенденция могла выражаться в признании необходимости учитывать, как бы мы сегодня сказали, институциональные факторы экономического развития.

Принимая во внимание общую озабоченность подавляющего большинства русских экономистов социальными проблемами, не приходится удивляться настороженному отношению к тем изменениям, которые в конце XIX в. стали происходить в западной экономической науке. Речь идет прежде всего об утверждении нового методологического канона, о признании, хотя и не без трудностей, субъективной ценности и предельной полезности основополагающими элементами теории ценности, а также о начавшемся (но еще не магистральном) движении в сторону математизации теории.

¹ Первый экономический факультет был создан в 1903 г. в Петербургском политехническом институте, в 1895 г. была основана Лондонская школа экономики и политических наук (LSE), в 1908 г. – Гарвардская школа бизнеса. В 1918–1919 гг. в ведущих университетах были открыты факультеты общественных наук с экономическими отделениями, просуществовавшие до середины 1920-х гг. Экономический факультет был создан в Ленинградском университете в 1940 г., в МГУ – в 1941 г., в то же время в Московском коммерческом институте экономическое отделение существовало с 1912 г. Специализированный экономический журнал *Journal of Political Economy* начал выходить в 1892, *Quarterly Journal of Economics* – в 1886 г. В России теоретические статьи публиковались в журналах литературного и социокультурного профиля типа «Русской мысли» или «Вестника Европы».

Предлагаемый канон уходил корнями в философию позитивизма О. Конта и методологию Дж. Милля и предполагал строгое разграничение позитивной, нормативной и прикладной частей экономической науки, к чему многие русские экономисты не были готовы. Концепция субъективной полезности вызвала критику как переносящая акцент с анализа социальных вопросов на психологию людей. Концепция общего равновесия и математизация не встретили понимания у большинства русских экономистов, поскольку в центре внимания оказывались не проблемы социально-экономического развития, а идеальное состояние, определяемое в конечном счете субъективными оценками людей. Подобная ситуация дала основание Л. Франку написать в 1900 г. следующее: «Все развитие политической экономии за последние 20–30 лет прошло незамеченным для нас, потому что не укладывалось в раз принятую схему Маркса; учения Кнуса, Менгера, Бем-Баверка, Джевонса, Маршалла и многих других остались до сих пор китайской грамотой для огромнейшей части нашей образованной публики, и если имена эти упоминаются в нашей журнальной литературе, то только для того, чтобы послать по их адресу резкие упреки в “отсталости” и “буржуазности”... Вряд ли нужно прибавлять, что европейская наука очень мало беспокоилась о нашей русской оценке ее и продолжала быстро продвигаться вперед по раз намеченному пути... в конце концов не европейской науке, а нам самим придется стыдиться нашей оценки» (Франк 1900: 2–3).

Однако было бы неверно полагать, что новые тенденции вообще обошли Россию. Конечно, существовали серьезные причины для некоторой автаркии российской экономической науки: особенности экономического развития страны и специфика наиболее актуальных проблем, особенность интеллектуальной традиции, коммуникационные и языковые барьеры. Но интеллектуальная связь России и европейских стран никогда не прерывалась, а на рубеже веков она была весьма интенсивной, хотя, возможно, и несколько односторонней².

Более того, по некоторым направлениям экономической теории русскими экономистами был сделан значительный прорыв. Так, работа М. И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (Туган-Барановский

² Например, существовала традиция направлять лучших выпускников российских университетов для длительных стажировок за границу. Труды западных экономистов, в том числе и представителей новейших направлений, переводились и издавались, хотя и с заметным запазданием: «Политическая экономия» У. С. Джевонса была переведена в 1905 (оригинал 1878), его же «Основы науки» – в 1881 (1874); «Предмет и метод политической экономии» Дж. Н. Кейнса – в 1899 (1890); «Капитал и прибыль» Е. Бем-Баверка – в 1909 (1900), его же «Основы теории ценности хозяйственных благ» – в 1903 (1886); «Основания политической экономии» К. Менгера – в 1903 (1871), его же «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» – в 1894 (1883) г.

1894) стала классической в области исследования кризисов и циклов. Туган-Барановский был среди небольшого числа экономистов, которые в этот период серьезно занимались проблемой циклов и кризисов. Значительными и признанными достижениями в этой области были также работы М. А. Бунятына и А. А. Исаева.

Даже субъективная теория ценности не была совершенно отринута. При этом специфика ее восприятия в России состояла в том, что даже те немногие экономисты, которые видели в ней значительный аналитический потенциал, не рассматривали ее как самостоятельную и самодостаточную концепцию, способную совершенно заменить трудовую теорию ценности. Они видели в ней составляющую более общей теории, объединяющей субъективный подход, теорию предельной полезности и объективный подход, в основе которого лежала концепция трудовых затрат. При этом синтез мог иметь различные основания. В. Дмитриев пытался объединить две теории ценности, используя прообраз межотраслевого баланса (Дмитриев 2001). У М. И. Туган-Барановского возможность слияния двух теорий вытекала из возможности связывать их с единым этическим фундаментом – кантианским нравственным императивом. Что действительно интересно и даже неожиданно, так это то, что он видел в подобной синтетической концепции образ теории ценности социалистического хозяйства (Туган-Барановский 1918). Ученый совершенно независимо от западных коллег подошел к идее оптимального планирования, элементы которой уже содержались в некоторых его трудах и в работе одного из его учеников – Н. А. Столярова, в 1902 г. предложившего общественную функцию полезности (Столяров 1902).

Что касается математического инструментария, то Е. Слуцкий использовал концепции предельной полезности при анализе бюджета потребителя в ставшей классической в современной экономической теории статье, которая впервые была опубликована в 1915 г. в итальянском журнале (Слуцкий 2010: 448–476). А. В. Чаянов применял предельный анализ при исследовании крестьянского хозяйства (Чаянов 1912–1913). А. Д. Билимович в известной работе «К вопросу о расценке хозяйственных благ» (Билимович 1914) продемонстрировал преимущества математического метода и использовал инструментарий предельных величин. Этот список может быть продолжен, но следует признать, что в целом он не будет очень длинным. Чистая экономическая теория не стала в России магистральным направлением экономической науки.

Слуцкий, Чаянов, Билимович – это ученые, принадлежащие к тому же поколению, что и Кондратьев, более того, Чаянов и Слуцкий были его коллегами. Представители этого поколения испытали влияние, хотя и в различных пропорциях, идей социализма, позитивизма и марксизма, но, в отличие от представителей старшего поколения, они стремились скорее

к описанию внешней структуры событий и задавались вопросом «как», нежели к выяснению сущностей, то есть обсуждению вопроса «почему».

Можно сказать, что ко времени революции в российской экономической науке уже происходил сдвиг в сторону позитивного экономического анализа в широком понимании этого слова, чему также способствовал накопленный опыт конкретно-экономических исследований. Крепла уверенность в том, что политическая экономия (в России маршалловский термин *economics* не привился) может стать настоящей научной дисциплиной, эмпирически проверяющей предпосылки и выводы и устанавливающей объективные закономерности.

Н. Д. Кондратьев сформулировал свои цели как ученого и практика в соответствии с формулой Конта: «знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять». Он разделял позитивистские представления о знании как относительном, достоверном, организующем. Поиск объективных законов хозяйственной жизни считал главной задачей ученого, а стремление влиять на хозяйственную жизнь, опираясь на *научное* (объективное и ограниченное) знание, – задачей экономиста-практика. Непокколебимая вера в науку, потребность в исследовательской работе прошли через всю его жизнь и были опорой даже тогда, когда обстоятельства, казалось, делали научную работу невозможной, а научное знание – ненужным.

Революция 1917 г., безусловно, стала водоразделом в истории нашей страны. Нет сомнения в том, что она повлияла на судьбы ученых, а в конечном счете – на развитие науки. Однако рискну предположить, что в начале 1920-х гг., когда (замечу, даже еще до введения нэпа) ситуация в стране немного стабилизировалась, обнаружили новые возможности для профессиональной деятельности экономистов. На повестке дня оказался целый ряд масштабных задач, ранее не ставившихся: от преодоления разрухи, обеспечения населения продовольствием и восстановления хозяйственных связей до создания денежной системы, осуществления модернизации и создания плановой системы хозяйства. При этом если борьба с разрухой требовала прежде всего оперативных действий, то для решения других задач уже была нужна научная база, тем более что многие из этих задач были очень сложными и не имелось прецедентов.

Какой могла быть эта научная база? Только той, которая уже существовала до революции, а использовать ее могли только те экономисты, которые уже были. В том, что нашлись экономисты, готовые работать над такими задачами, определенную роль сыграли влияние марксизма и популярность социалистической идеи. Но главное – это комплекс принципиально новых задач: построения плановой экономики, создания соответствующей системы управления и разработки необходимой для ее осуществления научной основы. Все это не могло не привлекать творчески мыслящих людей.

Власть осознавала необходимость привлечения квалифицированных кадров и создания научных организаций, способных решать как текущие, так и перспективные задачи. Отсюда появление ряда отраслевых научных и учебных институтов. Так, в 1919 г. при Наркомфине был создан Институт экономических исследований, в том же году – Московский финансово-экономический институт; в 1920 г. при Петровской сельскохозяйственной академии был образован Институт исследования экономических конъюнктур, который сначала существовал в рамках Наркомзема, а в 1923 г. был переведен в Наркомфин.

Любопытная деталь, характеризующая атмосферу того времени. Известный экономист Н. Н. Шапошников, который работал в этих институтах, был арестован в 1921 г. по делу Помгола и провел полтора месяца в Бутырской тюрьме, но после освобождения работал в Наркомфине (Институт экономических исследований, Конъюнктурный институт), был членом и руководителем ряда комиссий, готовивших преобразования в финансовой сфере. Известно также, что Н. Д. Кондратьев был арестован в 1922 г. по делу так называемого «Тактического центра» и провел несколько месяцев в лагере, но при этом не прекращал работу для различных ведомств и, освободившись, продолжил руководить Конъюнктурным институтом. Можно привести множество подобных примеров, и они свидетельствуют о том, что в определенный период в руководстве страны соображения практические, прагматические и экономические преобладали над политико-идеологическими.

Результатом указанных выше обстоятельств стало то, что для русской экономической науки 1920-е годы, по крайней мере их часть, оказались очень плодотворными. Был сделан значительный рывок по многим направлениям, и это несмотря на отъезд значительного числа экономистов за границу. Более того, на новый уровень вышли контакты с мировой наукой. Никогда ранее не наблюдалось так много параллелей в тематике исследований и в организации науки на Западе и в России. В этом отношении очень показателен общий интерес к проблемам циклов и кризисов и экономической конъюнктуры в целом, что нашло отражение и в организации научных исследований. В том же 1920 году, когда был основан Конъюнктурный институт в Москве, в Кембридже (США) было создано Национальное бюро экономических исследований (NBER) под руководством У. Митчелла; затем появились Институт исследования конъюнктуры в Берлине (1925), Австрийский институт по исследованию делового цикла в Вене (1927), Институт по исследованию делового цикла и цен в Варшаве (1928).

Следует отметить, что у русских экономистов была хорошая база для того, чтобы включиться в мировые исследования конъюнктуры и занять там достойное место. Во-первых, существовала русская школа статисти-

ки, математической статистики и теории вероятности, которая не только создала соответствующий инструментарий, но и воспитала несколько поколений замечательных статистиков. Во-вторых, имелся опыт земской статистической работы и создания соответствующих массивов данных. В-третьих, существовали работы в области теории экономических кризисов. Наконец, нашлись организаторы научных исследований в этой области. И здесь, конечно, первым мы назовем Н. Д. Кондратьева. Не случайно руководимый им институт очень быстро стал признанным в мире научным центром.

Напомню лишь несколько фактов. Дж. М. Кейнс опирался на данные Конъюнктурного института при анализе инфляции, о чем писал в работе «Трактат о денежной реформе» (Кейнс 2007: 804). Информация о конъюнктуре народного хозяйства СССР регулярно направлялась Кондратьевым и его сотрудниками в Федеральную резервную систему США, в комиссию Лиги Наций по статистике, Международный институт по торговле в Брюсселе. Труды института, публикуемые в его изданиях, перепечатывались в ежегоднике Германского института исследования конъюнктур, Бюллетене Лондонской школы экономики и т. д.³ Удивляет скорость обмена информацией: напомню, что указанная работа Кейнса была опубликована в 1923 г., а Конъюнктурный институт был создан в 1920 г.

По некоторым направлениям были осуществлены прорывные работы. Например, был создан метод «затраты-выпуск» и рассчитан первый межотраслевой баланс (1925 г.). Новые проблемы в аграрной сфере послужили толчком к развитию направления, которое можно назвать «институциональной экономикой сельского хозяйства» (А. Чаянов, А. Челинцев, Н. Макаров) (Полетаев 2006: 6), исключительно плодотворно развивались различные разделы статистики, в значительной степени благодаря сотрудникам Конъюнктурного института (Е. Слуцкий, Н. Четвериков, А. Конюс и др.). Продолжавший традиции дореволюционных исследований денежного обращения Л. Юровский занимался созданием устойчивой системы денежного обращения.

Отдельного упоминания заслуживает комплекс работ, связанных с индустриализацией и в более широкой постановке – с модернизационным проектом в целом. Не вдаваясь в существо этих проблем и даже не касаясь знаменитой дискуссии, замечу лишь, что поднятая в середине 1920-х гг. в России проблема, а именно – поиск наилучшего пути индустриализации, через несколько десятилетий оказалась на повестке дня в связи с проблемой преодоления отсталости развивающихся стран. Можно сказать, что дискуссии вокруг политики России в 1920-е гг. эхом отозвались в трудах А. Гершенкрона, У. Ростоу и др. В этих дискуссиях и в последующих их

³ См. отчеты Конъюнктурного института (Кондратьев 1989: 416–450).

продолжениях Кондратьев неявно присутствовал и как автор проекта «аграрной индустриализации», и как автор концепции больших циклов.

Для понимания масштабов личности Н. Д. Кондратьева, а также потенциала отечественной экономической науки в 1920-е гг. мы обращаемся к его тюремной рукописи. Впечатляющим является сам факт написания работы «Основные проблемы экономической статики и динамики». Ученый работал над ней, находясь во внутренней тюрьме Лубянки и в Бутырской тюрьме. Прежде всего, это свидетельство силы духа ученого, его верности науке. Впечатляющим является и то, что рукопись сохранилась. Кроме счастливых обстоятельств, это было и результатом мужества его жены Евгении Давыдовны. Наконец, удивительным является то, что проблема теории экономической динамики в широкой ее постановке, включая и проблему цикла как теоретическую проблему (а именно так ее рассматривал ученый), в 1930-е и 1940-е гг. оказалась в центре внимания многих видных экономистов на Западе.

Суть проблемы кратко можно пояснить следующим образом. Эталонном теоретическом подходе в экономической науке в то время, а во многом и сейчас, остается теория общего равновесия Вальраса. Построенная на основе предпосылки оптимизационного поведения индивидов, математически строгая и логически безупречная, эта теория стала образцом строгой научной экономической теории. Но при этом она утверждала статический взгляд на экономику; между тем экономика представляет собой изменяющуюся систему, а задача исследования циклов и кризисов ставит вопрос о поиске соответствующего инструментария. Конечно, возможность выхода за рамки статики давали экономико-статистические и эконометрические исследования, предполагавшие работу с динамическими рядами и установление взаимосвязей между агрегатными показателями. Но в этом случае возникала сложная методологическая проблема, известная теперь как проблема редукции макро к микро. Таким образом, проблема цикла оказалась на пересечении нескольких методологических дилемм: статика – динамика, теоретический – эмпирический, микро – макро.

Примером эмпирического подхода к исследованию цикла были работы У. Митчелла (Mitchell 1913) и Г. Мура (Moore 1914; 1929), а теоретического подхода – работы Ф. Хайека (Hayek 1929; 1933), Р. Хоутри (Hawtrey 1913). К последней группе можно условно отнести Й. Шумпетера (Schumpeter 1911) и Ф. Найта (Knight 1921). Условно – поскольку эти авторы связывали создание теории динамики с коренной перестройкой всего здания экономической теории, а Хайек и Хоутри этого не требовали. Речь шла о существенном изменении модели индивидуального поведения – включении в нее инновационной деятельности, что не только не вписывалось в рамки модели рационального поведения, но и подрывало стройное здание чистой теории.

Хотя проблема динамики и возникла в значительной степени вслед за проблемой цикла, в 1930-е гг. уже пришло понимание, что теория цикла должна рассматриваться в контексте более общей теории – теории динамики (Kuznets 1930: 382). Однако единого представления о пути достижения цели не было. Некоторые ученые вообще отрицали возможность построения общей теории динамики в рамках экономической науки, связывали теорию динамики с выходом в другие области, прежде всего в психологию. Другие считали, что в этом случае будут разрушены предметные границы экономической науки.

Сказанное выше – это лишь мазок к картине происходившего на Западе в области исследований цикла и проблемы динамики в период, когда Н. Д. Кондратьев, уже находясь в заключении, приступил к проекту создания теории динамики.

Когда мы обращаемся к его рукописи и суздальским письмам, невольно возникает ощущение, что ученый являлся участником дискуссии, проходившей в тот период на Западе, и более того, в чем-то предвосхитил будущие обсуждения. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют лишь высказывать догадки и строить предположения относительно содержания и логики того, что он сделал, и, главное, того, как он видел общую теорию динамики. Кондратьев делает выбор в пользу абстрактной теории динамики, которая должна устанавливать общие закономерности экономических изменений и обладать той же степенью общности, что и чистая экономическая теория, то есть статика.

Кондратьев осознавал методологический разрыв между статикой и динамикой. Он считал, что статика «не может исследовать и не исследует всего того круга явлений, экономическая сущность которых состоит в отрицании равновесия... например, явления кризисов, предпринимательской прибыли и т. д.» (Кондратьев 1991: 324). При этом ученый допускал возможность в рамках статической теории *постановки* проблем, которые не являются непосредственно проблемами равновесия. Однако «примирение» статики в динамике он считал возможным лишь в том случае, если понятия, используемые при этих подходах, «относятся к одному и тому же объекту познания, то есть входят в состав одной и той же науки, а следовательно, являются или оба общими, или оба индивидуальными понятиями» (Там же: 281). Каким же образом можно обеспечить общность понятий, относящихся к теории динамики? Точно ответить на этот вопрос мы не можем. Однако можно предположить, что это достигается благодаря тому, что ученый принимает в качестве основополагающего статистико-вероятностный подход.

В «Основных проблемах» он показывает, как этот подход работает при анализе рыночного равновесия и определения равновесной цены. Од-

нако дальнейший ход рассуждений остается неизвестным, поскольку, не завершив эту часть, Кондратьев обращается к проблеме тренда, то есть к проблеме, относящейся к области макроэкономической теории, и в рамках этой задачи пытается решить проблему «синтеза» эмпирического и теоретического подходов.

Кондратьев рассматривал динамический процесс (процесс изменений на уровне экономики в целом) как соединение (наложение) двух процессов – тренда и цикла. Он определил тренд теоретически, и следующим этапом, согласно разработанному плану, должен был стать стохастический анализ временных рядов в связи с проблемой тренда. Скорее всего, и в других работах, то есть в тех, которые предполагалось посвятить циклу, подобная логика должна была сохраниться: теоретический анализ явления на уровне всей экономики сочетается со статистическим анализом соответствующих временных рядов.

Можно предположить, что именно статистический (вероятностный) анализ должен был стать мостом, связывающим исследование конкретной проблемы цикла с общеметодологической частью, отражающей специфику статистико-вероятностного мировоззрения Кондратьева.

Центральным понятием в рамках этого мировоззрения было понятие совокупности. Его использование превращало статистику и теорию вероятности из инструментов прикладного анализа в инструменты анализа природы такого важнейшего экономического явления, как рыночная цена. Анализ процесса определения цены с новых методологических позиций и посвящена незавершенная 10-я глава «Основных проблем экономической статистики и динамики», в которой Николай Дмитриевич пересматривал некоторые базисные понятия, тем самым открывая дорогу новой теории.

Ученый прервал работу над рукописью и больше к ней не возвращался. Можно только предполагать, в чем была причина. Возможно, что в этот период ему не до конца было ясно соотношение статики и динамики, а также смысл понятия генетики, которую он считал по существу обобщающей теорией. Понятие генетики, которое, как можно предполагать, должно было стать центральным, остается для нас загадкой. Так, например, не очень ясно, является ли оно эквивалентом понятия «развитие» (подобно тому, как это имеет место у Й. Шумпетера) или же означает нечто иное. Это одна из самых интригующих загадок наследия Н. Д. Кондратьева.

В заключение, возвращаясь к хронологическому экскурсу, хочу отметить следующее. Анализируя письма Кондратьева из Суздальского политизолятора, мы видим такую устремленность ученого к научному исследованию, которая сегодня кажется непостижимой. При этом создается впечатление, что ученый не в полной мере осознавал, а может быть, и не хотел осознавать происходящее за стенами тюрьмы. На воле политическая ситуация менялась так, что шел быстрый процесс деградации отечествен-

ной науки и падения уровня научных экономических исследований (Широкорад 2010). До 1936 г., когда режим содержания резко ужесточился и здоровье уже не позволило работать, Н. Д. Кондратьев занимался исследованиями, которые по тематике, методу и стилю уже вряд ли были возможны на воле. Он изучал работы западных экономистов, статистиков, математиков, строил динамическую модель экономики, исследовал ее характеристики и обсуждал возможности ее использования для прогнозирования.

Что может быть трагичнее для науки, чем ситуация, когда относительная свобода мысли, включенность (пусть ограниченная и специфическая) исследований в пространство мировой науки, пусть отчасти и временно, сохранялись в тюрьме, но не за ее стенами!

Библиография

- Билимович А. Д. 1914.** *К вопросу о расценке хозяйственных благ*. Киев: Тип. унта Св. Владимира.
- Дмитриев В. К. 2001.** *Экономические очерки*. М.: ГУ-ВШЭ.
- Кейнс Дж. М. 2007.** *Общая теория занятости, процента и денег*. В: Кейнс Дж. М., *Избранное*. М.: Эксмо.
- Кондратьев Н. Д. 1989.** *Проблемы экономической динамики*, с. 416–450. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 1991.** *Основные проблемы экономической статики и динамики*. М.: Наука.
- Полетаев А. В. 2006.** *Присутствие и отсутствие России в мировой экономической науке*. Препринт. М.: ГУ-ВШЭ.
- Слущкий Е. Е. 2010.** *К теории бюджета потребителя*. В: Слущкий Е. Е., *Экономические и статистические произведения*, с. 448–476. М.: Эксмо.
- Столяров Н. 1902.** *Аналитическое доказательство предложенной г. М. Туган-Барановским политико-экономической формулы: предельные полезности свободно произведенных продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям*. Киев.
- Туган-Барановский М. И. 1894.** *Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь*. СПб.: Изд-во И. Н. Скороходова.
- Туган-Барановский М. И. 1918.** *Социализм как положительное учение*. Пг.
- Франк С. 1900.** *Теория ценности Маркса и ее значение*. СПб. С. II–III.
- Чаянов А. В. 1912–1913.** *Очерки по теории трудового хозяйства*. Вып. 1, 2. М.
- Широкорад Л. Д. 2010.** *Влияние идеологии на развитие политической экономии в СССР в 1920–1930-е годы*. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 5. Экономика 1: 77–81.
- Hawtrey R. 1913.** *Good and Bad Trade. An Inquiry into the Causes of Trade Fluctuations*. London: Constable.

Hayek F. 1929. *Geldtheorie und Konjunkturtheorie*. Wien; Leipzig.

Hayek F. 1933. *Monetary Theory and the Trade Cycle*. London.

Knight F. 1921. *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston (MA): Hart, Schaffter & Marx; Houghton Mifflin Co.

Kuznets S. 1930. Equilibrium Economics and Business Cycle Theory. *Quarterly Journal of Economics* 44(3): 382.

Mitchell W. 1913. *Business Cycles*. Berkeley: University of California Press.

Moore H. 1914. *Economic Cycles: Their Law and Cause*. New York: MacMillan.

Moore H. 1929. *Synthetic Economics*. New York: MacMillan.

Schumpeter J. 1911. *Theorie der wirtschaflichen Entwicklung*. Berlin.